

ДИАЛОГ В ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В культурном отношении Россия объективно является плюралистичной: для нее характерно многообразие религий, каждая из которых сформировала и транслирует специфическую культурную традицию; Россия была и остается полиэтничной, и очевидно, что многообразие наций и народностей также детерминирует культурный полиморфизм. Свой вклад в культурное многообразие вносят и классы, социальные слои, социально-профессиональные группы, культурные стереотипы которых далеко не идентичны. Россия не просто участвует в диалоге культур, но являет собой один из вариантов диалогической плюралистической культуры. Это специфический тип культуры.

Факт объективной плюралистичности России требует выдвижения на первый план проблемы соединения единого и многого. Однако относительно духовной сферы, интеллектуальных механизмов функционирования демократического общества, проблема взаимосвязи единого и многого еще не привлекла должного внимания. Культура плюралистического общества имеет существенную особенность: она едина, что и позволяет оценивать ее как специфическую культуру, обладающую консолидирующими интегральными характеристиками, одновременно она и полиморфна, предполагает многообразие.

Культура плюралистического общества в ее оптимальном функционировании — это единство в многообразии и многообразии в единстве. Монопольное положение ранее господствовавшего и пронизывавшего все сферы общества единственного мировоззрения отвергнуто, идея плюрализма довольно широко вошла в общественное сознание. Однако плюрализм, лишенный общеобъединяющих начал, разрывает и дробит культуру, лишает ее целостности, тем самым лишает общество смыслового единства и культурной самотождественности. “Многое” — плюрализм идейных и мировоззренческих позиций — в значительной мере налицо, для достижения оптимального состояния культуры сейчас наиболее проблематично “единое”.

Рациональная, концептуальная составляющая плюралистического общества — это системные модели организации различных его сфер, построенные на основе принципа единства многообразного. Построение социального целого на основе принципа единства многообразного остается теоретической и жизненно-практической проблемой, требующей своего решения. Как представляется, философы и представители гумани-

тарных и социально-экономических наук еще не оценили в должной мере серьезный методологический потенциал принципа единства многообразного.

Многомерность ценностей делает их универсальными, а поэтому приемлемыми для сторонников различных социальных, мировоззренческих и иных позиций. Эти позиции, связанные с ними картины мира выступают в качества альтернативных программ реализации общих ценностно-нормативных установок. Тем самым “многое” соединяется с “единым” и складываются основания для диалога. Скажем, так называемые западничество и славянофильство в оптимальном варианте их взаимодействия суть альтернативные программы реализации основополагающей и общеобъединяющей ценности — блага России. Если этой общей ценностной установки нет или она не замечается, то неизбежны антагонизм и конфронтация, если есть и она правильно осознается оппонентами, то открывается поле для диалога — страстного, конкурентного, но диалога.

Диалог — это механизм свободного развития, согласования, критического сопоставления и совершенствования альтернативных позиций. Вместе с тем диалог — это и механизм самоорганизации и творческого саморазвития социума как целого. Культурное творчество наиболее плодотворно в условиях многообразия и диалога. Идея диалога сама должна обосновываться и пропагандироваться как одна из основополагающих культурных ценностей.

Эмоционально-чувственной компонентой диалога как минимум является терпимость к альтернативным взглядам. Диалогическая плюралистическая культура организуется в органическое целое тогда, когда, подчиняясь принципу единства многообразного, она базируется на единой экзистенциальной основе — на переживании единства исторической судьбы, на комплексе чувств, выражающих это единство. В противном случае терпимость есть лишь вынужденная сдержанность к “врагу”, которого приходится терпеть по необходимости, до поры до времени, пока он более силен.

Таким образом, для духовной сферы демократического общества характерны: публичное обсуждение общезначимых вопросов; свобода слова; многообразие мнений; терпимость к альтернативным взглядам; отсутствие неприкасаемых канонов; нахождение конкретных и ответственных решений посредством дискуссии, диалога, спора.

Идея диалога должна найти отражение в учебно-воспитательном процессе. О необходимости воспитания культуры дискуссий в последнее время много говорится, и эта постановка

вопроса совершенно обоснована. Отношение к компромиссам, дискуссиям, полемике, диалогу — важный показатель уровня культуры человека и общества. Чем этот уровень ниже, тем сильнее выражены нетерпимость к инакомыслию, преобладание эмоционально-чувственного начала над рациональным, склонность разрешать споры силовыми средствами. Рост культуры сопровождается признанием позитивной значимости многообразия мнений и дискуссий, готовностью разрешать спорные вопросы и конфликтные ситуации посредством убеждения и диалога.

Для воспитания культуры дискуссий необходим поиск таких методик, которые максимально сближали бы структуру учебно-воспитательного процесса с механизмами реальной дискуссии; иными словами, необходимы методики, которые строились бы путем моделирования реальных дискуссий и переговоров средствами учебно-воспитательной деятельности.

Н. М. Коржевская, И. А. Ершова
Екатеринбург

ВНЕШНИЙ ОБЛИК КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ

Согласно постмодернистским установкам, которые вполне можно использовать для полноты анализа, культурную среду общества следует рассматривать и трактовать как текст, нуждающийся в прочтении. Сам человек, его внешний облик, манеры есть не что иное, как текст, несущий информацию другим людям и в то же время выражающий особенности культуры данного социума. Одежда, прическа, манера двигаться и вообще “держаться” не менее характерны и репрезентативны в культурном контексте эпохи, чем, например, архитектура или фольклор.

Веками указанные внешние детали ясно и определенно свидетельствовали о социальной принадлежности, ранге и материальном положении их обладателя. Таким сегрегирующим признаком могла быть ширина кринолина и наличие шпор в галантный XVIII в., высота тульи и фуражки в нацистской Германии или бархатная блуза живописца эпохи Возрождения.

Достаточно долго одежда аккумулировала в себе особенности национальной культуры: народный костюм своеобразен и неповторим не только у жителей соседних стран, но и у представителей разных регионов одного государства. Однако ввиду растущей интернационализации моды, которая в рамках за-